

Темная комната, тусклый лунный свет.

Тьма окутала лицо Орсини плотной пеленой.

Однако зеленые глаза, смотрящие на нее сверху вниз, заискрились.

— Ты знала, что завтра тебя сожгут?

— О, ты пришел ради этих слов.

Наконец-то он разомкнул губы.

Канна пожала плечами.

— Как знать, повесят ли меня на дереве.

— Ха, ты так треплешь языком. Ты думаешь, тебя кто-то защитит?

Ха.

Канна едва сдерживала смех..

Кто-то защитит?

— Даже если кто-то защитит меня, я знаю, что это не ты.

— Ты ждешь своего оппу?

— ...

Он настоящий ублюдок.

Улыбка с лица Канны тотчас исчезла.

Орсини засмеялся, будто довольствуясь ее обеспокоенным выражением лица.

— Ты хочешь пойти в тот дом с ним?

Канна сжала кулак.

Каждое его слово зажигало в ее сердце огонь.

— Прекрати, Орсини.

Есть кое-что, к чему не стоит прикасаться.

Для Канны это был мир Джу Хва.

— Стало быть, выглядишь такой расслабленной и беспечной? Надеешься, что кто-то придет за тобой и спасет?

— Заткнись.

— Я бы послушал, кто твой великий оппа-спаситель. Разумеется, это не герцог Сильвиен Валентино.

Нельзя отвечать как обычно.

Нельзя просто рассмеяться над каждым язвительным словом.

Над этой темой нельзя смеяться.

Она живет, прикладывая усилия не думать.

О том, что и кого она любила.

Но в то же время Канна никогда не хотела забывать тот мир.

Она не хочет быть слабой.

Ибо в это время нельзя быть слабой.

Она прекрасно знает, что в тот момент, когда откроется драгоценная и вызывающая грусть шкатулка памяти, ее всецело поглотит одиночество.

Но, по мере того как появляются подобные Орсини, пустяковые вещи разрушают отчаянные усилия.

— Довольно разговоров.

— Почему? Тебе снова хочется поплакать?

По неким причинам Орсини в ответ разозлился сильнее.

Однако трудно понять причину его гнева.

— Да, зрелище было прекрасным, когда ты плакала, бунтовала и кричала, что так хотела вернуться домой.

Лицо раскалилось докрасна. А голова начала покалывать.

Чем сильнее лицо Канны пылало от гнева, тем ярче сияла его улыбка, словно он испытывал жестокое удовольствие.

— Если пойдешь домой, то встретишь свою мать? Ту женщину, наградившую тебя черными волосами.

Он согнул талию.

И встал чуть ниже уровня глаз Канны.

Его зеленые глаза злобно дрожали.

И он сказал.

— Ты не можешь вернуться домой.

Слова, пропитанные смертельным ядом.

— Ты пришла в Эдис по своей воле, но не сможешь покинуть.

Я не могу вернуться домой, я не могу пойти домой.

Я не могу вернуться домой.

Я не могу вернуться.

'Возможно, никогда'.

Жестокая правда разорвала тело пополам. Губы Канны задрожали от сокрушительной боли.

Выражение лица Орсини, смотрящего на нее, источало и радость, и злобу.

Канна хлопнула его по щеке.

Шлеп!

Но лицо Орсини не дрогнуло. Ни единого движения, будто его щеки коснулась никчемная пыль, уносимая ветром.

Он засмеялся, словно забавляясь ее поступком.

— Да, теперь знаю.

Он медленно поднял спину.

И наслаждался взглядом Канны, источающим свирепость и готовность съесть, не оставив ни единой косточки.

Неприязнь. Гнев. Ненависть.

Он знал, что это искренние чувства Канны.

Лишь они.

— Для тебя по-прежнему пребывания в Эдисе равноценно, что и в аду.

Из всех людей он знал это лучше всех.

Ни Каллен, ни Сильвиен, а он.

— О, Каллен тоже еще тот глупый щенок. Верно, грязь?

Грязь.

Черт, ее язык заболел, когда услышала это мерзкое слово.

Будто гнил кончик языка. Но последующий сарказм Орсини задел ее еще глубже.

— Мило улыбаешься и забавляешься с Калленом.

Лучше отрезать себе язык, чем это признать.

— Ха-ха, я раскусил тебя.

Касание.

Он дотронулся пальцем до нахмуренной брови Канны.

— Впредь нам стоит ладить. В нашем доме.

Затем он поднял кончики рта.

— Если завтра не сгоришь.

Канна закрыла глаза

И глубоко вздохнула, распахнув очи.

Она ярко улыбнулась.

По его словам, она очень мило забавляется с Калленом.

— Орсини, ты правда ревнуешь?

В этот момент его палец, коснувшись лба, напрягся.

Канна резко схватила палец и крепко сжала.

— Ты беспокоишься, что твоя прелестная сестра уедет в другое место? Ты злишься?

Затем Орсини разразился диким смехом.

— Безумная сучка.

— Вот что хочу сказать тебе, сумасшедшая.

Он вырвал палец.

— Я ответила такими же бредовыми словами, как и ты. Ну что? Тебе весело?

— ...

— Лично мне ничуть не весело.

Затем улыбка исчезла с ее лица.

Она пробормотала монотонным голосом.

— Ты вправду дрянное дитя.

— ...

— Прочь.

— Мерзкий ублюдок.

После ухода Орсини ей хотелось заплакать.

Она притворилась спокойной, но боль не так просто унять.

Было очень больно.

Орсини задел ее рану и с силой надавил.

Она задавалась вопросом, если польются слезы, нахлынет боль или радость.

'Черт, я злюсь, поэтому не могу плакать!'

Влага, окутавшая глаза, мгновенно испарилась.

Как и ожидалось, ей не по душе накинуть на себя одеяло и спрятаться под ним от всех проблем.

Стало бы легче, если просто отомстить врагу или его проклясть.

'Орсини, ублюдок'.

Ни за что не оставлю тебя в покое.

Мерзкое дитя.

'Я убью тебя.'

Конечно, когда-нибудь, во что бы то ни стало.

'Я убью тебя, Орсини.'

Но сейчас не время поддаваться гневу.

Она глубоко заглянула в свой разум.

И сказала себе.

В первую очередь необходимо уладить все трудности с Рэйчел.

'Это главное. Не позволю, поддавшись эмоциям, все испортить Орсини'.

'Да, нужно хорошо выспаться. Мне не приснится кошмар из-за него'.

Ее планы, ее настроение, ее ночь.

Подумав и глубоко вздохнув, она успокоила свои бушующие чувства.

И заснула.

К счастью, сон выдался прекрасным. Как она и хотела.

Наконец, настал день ритуала очищения.

После длительных дождей на небе засверкали солнечные лучи.

В голове Рэйчел витала лишь одна мысль — сегодня хороший день, чтобы кого-нибудь сжечь.

— Ах-ах!

— Святая, Святая!

— Пожалуйста, очистите деревню!

— Поймайте черного апостола, Святая!

— Пожалуйста, защитите деревню!

В солнечный день люди со всей деревни стекались на площадь и поднимали шум.

От их желаний у Рэйчел чувство долга загоралось огнем.

'Да, их покой зависит от меня'.

Мирная повседневная жизнь жителей деревни в ее руках.

Как и сама их жизнь.

— Здесь те, кто пострадал от безумия?

Десятки людей покорно стояли на эшафоте.

Никто не боялся. Приятно знать, что ты не черный апостол.

'Большинство из них проявят искренность, а некоторые станут яро выступать'.

Взгляд Рэйчел переместился в сторону.

Рядом с эшафотом.

Там стоял огромный шатер, под которым сидели правитель, сэр Джером, рыцари, слуги и Канна.

Изначально она обязана стоять на эшафоте вместе с другими, но, будучи благородной леди, к ней проявили снисходительность и учтивость.

Однако какой бы благородной она не была, Канне не обмануть ее глаза.

В тот момент, когда Канна и ее глаза встретились, сердце Рэйчел обеспокоенно затрепетало.

— Мисс Рэйчел, у вас нет способностей.

— Вы ошибаетесь.

— Ваши заблуждения стали причиной убийства людей.

В это время Канна ярко улыбнулась. Затем она одна вышла из шатра.

'..Что?'

Рэйчел внимательно наблюдала за ее движениями. Канна поднималась по ступенькам эшафота.

Внимание людей было приковано к внешнему виду привлекательной женщины.

Канна посмотрела в центр и сказала.

— Как вы знаете, я врач, посланный его величеством императором.

Рэйчел нахмурилась.

Однако по какой-то причине взгляд большинства жителей, обращенный в сторону Канны, был дружелюбен.

Для Рэйчел реакция показалась странной и непонятной.

Жители острова очень враждебны к чужеземцам, даже к императорской знати.

'Но почему у них такой взгляд?'

Но это потому, что Канна несколько дней бесплатно раздавала жителям еду, оставив Рэйчел в неведении.

Канна спокойно произнесла.

— Во время моего пребывания на острове я поближе познакомилась с безумием деревни и пришла к одному выводу. Может вы, господа, будете шокированы...

Рэйчел растерялась.

Неужели она вновь собирается нести ту чушь...

Она хотела сразу прервать Канну, но взгляды людей уже сосредоточились на ней.

Даже взгляд ее отца-правителя!

— Я спрошу перед этим лишь одно. У кого-нибудь последнее время возникало безумие?

Спросила Канна, неторопливо оглядывая жителей.

— По крайней мере, в последние дни им никто не страдал.

<http://tl.rulate.ru/book/46467/1368242>